

Память 04 сентября (ст. стиль 22 августа)

Страдание святой мученицы Евлалии

В царствование языческих императоров, когда вся вселенная была омрачена еллинским безбожием, в испанском городе Баркиноне¹ проживала некая девица, по имени Евлалия, – дочь христианских родителей. Сия от младенческих лет своих возлюбила Господа нашего Иисуса Христа всем сердцем своим; обитала же она вместе с родителями своими в селении, находившемся в довольно значительном расстоянии от города. Родители весьма любили Евлалию за ее кротость, смирение и ум, превышавший года ее; Евлалия была научена книгам, и у нее было одно твердое намерение – служить Господу своим девством непорочным. И упражнялась святая в чтении книг, и в славословии Бога днем и ночью, обитая в особой келлии вместе со своими сверстницами.

Когда Евлалии исполнилось четырнадцать лет, император Диоклетиан² поднял жестокое гонение на христиан. В город Баркинон прибыл игемон Дакиан; сей принес здесь мерзкие жертвы нечестивым богам своим, потом начал отыскивать христиан, дабы принудить их воскурить фимиам идолам. Вследствие этого в городе было великое смятение, так как христиане были насильственно извлекаемы из домов своих и принуждаемы мучениями к идолопоклонству; обо всем этом вскоре же стало известно и по всем окрестным селениям.

Когда девица Евлалия услышала обо всем этом, то преисполнилась великой духовной радости и с веселым лицом сказала:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе! Слава пресвятому имени Твоему, ибо я получило то, чего добивалась. Я верую в Тебя, Владыко мой, что при Твоей помощи исполнится желание сердца моего.

Когда родители Евлалии, а также и девицы, бывшие при ней, слышали эти слова святой, то не понимали, о чем говорит она, спрашивали ее, – что за причина веселия ее, что она получила и чего она желает. Но она ничего не сказала им, тая в душе свои намерения. И удивлялись все, ибо святая имела обычай не утаивать ничего, что она уразумевала относительно святой веры, но насколько сама постигала в книгах, будучи просвещаема благодатию Божиею, настолько все пересказывала всем на пользу, почему все и любили ее, как свою душу. не сказала же тогда о мыслях своих Евлалия для того, чтобы не встретить препятствия своим намерениям со стороны отца и матери, чрезвычайно любивших ее.

Когда наступила ночь и все спали (и уже было первое пение петухов), святая девица вышла тайно из дома своего, причем никто не заметил ее ухода, – и направилась к городу, вся охваченная любовью к небесному Жениху своему Христу Господу, имея твердое намерение положить за Него душу свою. И это ночное путешествие не казалось ей страшным, как это обычно бывает для всех юных отроковиц, боящихся выйти ночью из дома своего; всё упование возложив на Бога и твердо намереваясь умереть за Него, святая пренебрегала ночью темнотой, не смущалась привидениями ночными, ни зверями, переходившими ей путь; но подобно оленю, стремящемуся к источникам водным, устремлялась и сия по каменистой дороге ногами босыми, не привыкшими к такой суровой дороге.

Святая Евлалия пришла в город уже днем. Проходя чрез ворота городские, она услышала зов глашатаев, призывавших народ к позорищу. Она устремилась к месту позорища того, находившемуся в середине города: здесь увидела святая игемона Дакиана,

сидевшего на высоком судилищном месте. Пробиваясь с усилием сквозь народ, святая предстала перед игемона и громким голосом сказала:

– Неправедный судия, восседающий на высоком престоле и не боящийся Бога, пребывающего выше всех. Для того ли восседаешь ты здесь, чтобы губить неповинных людей, которых создал Бог по образу Своему и по подобию Своему, дабы они служили Ему; Ты увлекаешь их к служению сатане и предаешь смерти тех, кто не слушается тебя.

Игемон, удивившись столь великой дерзости юной девицы, сказал:

– Кто ты, осмелившаяся явиться пред судилище наше без зова, произносящая в лицо нам укоризненные слова и противящаяся царскому приказанию?

Святая же с великим дерзновением отвечала:

– Я – Евлалия, раба Господа Иисуса Христа, Который есть царь царствующих и Господь господствующих; уповая на Него, я не постыдилась самовольно придти и обличить тебя. Для чего ты поступаешь столь неразумно, презирая Бога, Который сотворил всё: небо, землю, море и всё, что на них и в них; зачем покланяешься ты диаволу, да, кроме того, принуждаешь и людей, служащих Богу истинному, различными мучениями к поклонению идолам, которые – не боги, но бесы; с ними и вы все, поклоняющиеся им, будете преданы огню вечному.

Игемон, преисполнившись гнева, тотчас приказал бить по спине обнаженную девицу без милосердия палками дубовыми. И когда Евлалия была побиваема, то игемон сказал:

– Окаянная девица! Где же Бог твой? Посему Он не спасает тебя от этих побоев; и для чего ты настолько обезумела., что дерзаешь говорить о деле, не касающемся тебя? Признайся же, что ты сделал это по неопытности, не зная, сколь велика власть судии; тогда ты получишь прощение; ибо и мне жаль тебя, такую юную, красивую и благородную девицу, предавать столь жестоким побоям.

Святая же отвечала на это:

– Я посмеваюсь над тобой, ибо ты советуешь мне солгать, что будто бы я по неведению дерзнула пойти на мучения за Бога моего, и что, будто бы я не знала, как велика власть твоя. Кто не знает, что власть каждого деспота бывает временно!; подобно тому как человек ныне живет, а на другой день умирает, так власть его изменчива. Власть же Господа моего Иисуса Христа бесконечна, ибо и Сам Он вечен. Я не желаю лгать, ибо страшусь Владыки моего, Который предаст геенне огненной, на сожжение, всех лжецов и беззаконников; моя же девическая юность еще более украсится и мое благородство еще более увеличится, если я приму страдания ради Господа моего. Знай же, мучитель, что я не чувствую боли от причиняемых мне страдания, благодаря защищению Христа, Владыки моего, Который осудит тебя по делам твоим в день Страшного суда на вечные муки.

От этих слов мученицы, игемон разгневался еще более и приказал повесить святую на мучилищном, крестообразно составленном, древе, и железными гребнями строгать ее чистое девическое тело, пока не будет снята с нее вся кожа. Святая же посреди тех страданий взывала к Богу, говоря так:

– Господи, Иисусе Христе! Услыши меня, недостойную рабу Твою, и прости согрешения мои! Укрепи меня посреди мучений, которые я принимаю за имя Твое святое, дабы был постыжен диавол вместе со слугами своими.

Игемон же сказал ей:

– Где Тот, к Кому ты вопиешь? Лучше послушай меня, безумная и окаянная отроковица, и принеси жертву богам: тогда ты будешь оставлена в живых; ибо вот уже приближается смерть твоя и нет никого, кто бы мог тебя избавить.

Святая же Евлалия отвечала ему:

– Да не будет тебе никакого блага, святотатец, бесноватый, преисполненный пагубы человек! Ф я тем более не отступлю от Бога моего, ибо Тот, к кому я взываю, обретается здесь; но ты не видишь Его, по причине своей нечистоты, так как ты недостойн Его видеть; Он укрепляет меня, так что я вмещаю ни во что муки, которые ты осмеливаешься наносить мне.

Тогда игемон приказал опалить святую зажженными свечами, приказав жечь ее до тех пор, пока она не умрет.

Будучи опаляема, мученица преисполнилась радости и громогласно изрекла слова псалма: **"Вот, Бог помощник мой; Господь подкрепляет душу мою. Он воздаст за зло врагам моим; истиною Твоею истреби их. Я усердно принесу Тебе жертву, прославлю имя Твое, Господи, ибо оно благо, ибо Ты избавил меня от всех бед"** (Пс.53:6-9).

В то время как святая молилась в таких словах, огонь от свечей обратился на слуг и сильно обжег лица их, так что они пали на землю. Когда святая увидела сие, то возвела очи свои на небо и еще громче сказала:

– Господи Иисусе Христе! Услыши молитву мою, и яви на мне милосердие Твое; сопричти меня ко избранным Твоим для успокоения в жизни вечной: **"покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся"** (Пс.85:17); верующие же в Тебя пусть прославят силу Твою.

Помолившись в таких словах, святая предала дух свой Богу³; и видели все голубицу белую, как снег, вылетевшую из уст ее и устремившуюся на небеса; все, видевшие сие, весьма изумились; христиане же (коих среди народа было много), радовались, что сподобились иметь и из своего города ходатаицу ко Господу на небесах.

Когда игемон увидел, что мученица уже умерла, то весьма устыдился, будучи побежден юною девицею и, с гневом встав с судилищного места, отправился к себе в дом. Игемон приказал оставить тело мученицы висящим на том мучилищном дереве и поставил стражей, дабы никто не мог снять оттуда тела мученицы; игемон сказал, – пусть она висит на дереве до тех пор, пока ее не съедят птицы и не растащат костей ее.

Когда же игемон отошел, а тело святой всё еще висело на дереве, внезапно нисшел с облака снег и покрыл честное тело святой мученицы, как одеждою белою; на стражей же напал страх; отступив от того места, они наблюдали издалека, ужасаясь всему бывшему.

Между тем обо всём узнали родители святой: ибо они, встав утром и не видя у себя дома своей любимой дочери, были в великом смущении и начали всюду искать ее. Уже около полудня они узнали, что дочь их умерла за исповедание имени Христова и еще висит на мучилищном дереве; тогда они поспешили в город с горькими слезами. Увидав святую мертвой, растянутою крестообразно на дереве, покрытою снегом, родители ее весьма плакали, сокрушались и рыдали слезами горькими; но вместе с тем они и радовались, что любезная дочь их восприняла венец мученический и вошла в чертог Жениха небесного. Они намеревались взять тело мученицы Христовой к себе, но не были допущены к нему стражей; смотря на святую издалека, они плакали, а вместе и веселились духом.

На третий день некоторые благочестивые мужи ночью взяли честное тело святой мученицы (стражи не заметили сего) и обвинили его чистою плащаницею с ароматами в присутствии родителей ее, которые слезами омывали тело дорогой дочери своей. Святой же Филикс (впоследствии пострадавший за исповедание имени Христова)⁴, взирая на лицо умершей мученицы, со слезами радости сказал:

– Госпожа Евлалия! Ты раньше нас сподобилась получить венец мученический!

Когда Филикс говорил эти слова, лицо девицы, бывшее мертвым уже три дня, улыбнулось, как живое, посмотрев на него; после сего все, бывшие там, начали петь слова псалма: **"Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их"** (Пс.33:18).

И похоронили тело святой мученицы Евлалии с честью, прославляя Бога Отца, и Единородного Сына Его, Господа Иисуса Христа, и Святого Духа, Единого Бога в Троице, Царство Которого бесконечно и пребывает во веки веков. Аминь.

¹ Ныне Барселона.

² Император Диоклитиан царствовал с 284 г. по 305 г.

³ Кончина святой мученицы Евлалии последовала ок. 303 г.

⁴ Память святого Филикса празднуется св. Церковью 22 августа.

Память святых мучеников: Агафоника, Зотика, Феопрепия, Акиндина, Севириана и прочих с ними

Мученик Христов Агафоник жил в Никомидии¹ в царствование императора Максимиана²; он отвращал еллинов от поклонения идолам и приводил их ко Христу; на мучения он взят был комитом³ Евтолмием. Когда этот комит, посланный императором в понтийскую страну для мучения христиан, плывя на корабле, прибыл на место, называемое Карпин, то нашел там святого Зотика вместе с учениками, исповедовавших Христа; учеников его комит Евтолмий осудил на смерть крестную, святого же Зотика он взял с собою. Возвратившись в Никомидию, он взял некоего Принципа, наученного святой веро христианской святым Агафонику; связав его, вместе с Агафонику, Зотиком и прочими христианами, среди коих были Феопрепий, Аниндин и Севириан, повел всех во Фракию, куда прибыл и сам император, дабы здесь предать всех мучениям. Когда святые находились в стране, называемой Потама, комит предал смерти святого Зотика, Феопрепия и Акиндина, ибо они уже не могли идти по причине ранее полученных ран и язв; пришедши же в окрестности Халкидона⁴, комит предал смерти святого Севириана, дерзновенно исповедавшего Христа; прочих же мучеников, вместе со святым Агафонику, повел в Византию и здесь некоторое время мучил их; потом прибыл вместе с ними в Сливрию, на место, называвшееся Аммус, – ибо здесь пребывал Максимиан; здесь святой мученик Агафоник, а также и все христиане, приведенные с ним из Никомидии, были в последний раз истязаны и мучены, после чего были осуждены на смерть и усечены, пострадав за имя Христа, Бога нашего⁵.

Кондак, глас 1:

Звание благое стяжав богомудре, мужей лукавых отвратился еси веры, не убоаяся мук Агафонице славне. Темже благим был еси наследник, и приял еси со страждущими с тобою достойныя венцы.

¹Никомидия – город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Он был построен в 264 г. до Р. Хр. и свое имя получил от вифинского царя Никомеда I. На месте древней Никомидии находится теперь город Исмид.

² Максимиан Геркул, носивший титул Августа, был соправителем Диоклитиана и управлял западную половиною римской империи с 285 г. по 305 г.

³ Комит – царский телохранитель, сборщик податей в царскую казну, градоначальник; в данном случае под словом комит разумеются градоначальники.

⁴ Халкидон или, правильнее, Калхедон – первоначально мегарская колония на берегу Мраморного моря. При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской области Вифинии. В истории христианской Церкви Халкидон замечателен как место IV Вселенского собора, созванного в 451 г. императором Маркианом.

⁵ Кончина святых мучеников последовала в кон. III в. или нач. IV в.

В тот же день память преподобной Анфусы, святого священномученика Афанасия епископа и двух слуг святой Анфусы: Харисима и Неофита

Святая Анфуса, дочь богатых жителей города Селевкии, приняв крещение, подвизалась 23 года в пустыне. Афанасий, епископ Тарса киликийского, крестивший святую Анфусу, был усечен мечом в царствование Аврелиана (270-275 гг.); тою же смертью скончались Харисим с Неофитом, крестившиеся вместе со своею госпожою. Святая Анфуса преставилась в мире, спустя долгое время после их мученической кончины (более 20 лет).

Празднество в честь Грузинской иконы Божией Матери

На севере России протекает река Пинега, впадающая в реку Двину; по берегам реки Пинеги расположено много селений; к этой реке примыкает большая и высокая гора, именуемая Черною; гора эта тянется до самого Океана (Северного Ледовитого) и имеет в длину около пятисот поприщ; ранее она была пуста и не заселена людьми.

По некоему откровению Божию на горе той был построен в 7111 году от сотворения мира (в 1603 году от Р. Хр.) монастырь во имя Пресвятой Богородицы; монастырь сей был построен неким иереем той страны по имени Мироном, – бывшим впоследствии игуменом того монастыря.

Следует заметить, что в царствование благоверного царя и великого князя Михаила Феодоровича¹ персидский шах Аббас² покорил под свою власть Иверию³; найдя здесь многоцелебную ризу Господа Бога и Спаса нашего

Иисуса Христа, он взял ее; в это время персы взяли в Иервии много и других святынь и честных икон и отнесли всё в Персию, не ради почитания (ибо были язычниками), но для продажи русским купцам; ибо русских купцов в это время было очень много в Персии, и персы знали, что они воздавали почести и поклонялись святым иконам. В числе этих купцов был некто, по имени Стефан из русского города Ярославля; сей Стефан был управителем имения гражданина города Ярославля, по имени Георгия. К сему-то Стефану некий перс и принес икону Пресвятой Богородицы, украшенную серебром и золотом, и предлагал ему купить ее. Благочестивый муж тот с великой радостью купил у перса ту честную икону.

В то самое время, когда он покупал сию икону в Персии, упомянутый выше господин его Георгий, живший в городе Ярославле, имел сонное видение, причем слышал такие слова:

– Управитель твоего имения, проживающий в Персии, приобрел тебе бисер драгоценный; и когда он принесет тебе его, то ты отправь его в пределы области Двинской, на Черную гору.

Действительно, спустя некоторое время из Персии прибыл упомянутый Стефан, управитель имения Георгиева, и принес Георгию честную икону Пресвятой Богородицы, которую он купил в Персии. Георгий с радостью принял святыню и, вспомнив видение, сказал:

– Это и есть поистине бесценный бисер, о коем мне было сказано в сонном видении.

В скором же времени после сего, согласно повелению Божию, Георгий отправился в пределы Двинской области и пришел к упомянутому выше монастырю Черногорскому⁴ с тою честною иконою (икона сия была названа Грузинской потому, что была взята из страны Иверской или Грузинской). Георгий принес в дар монастырю много золота, серебра, церковной утвари и книг богослужебных⁵.

В то время, когда в монастырь сей была принесена честная икона Богоматери, игумен и братия совершали в храме всенощное бдение; некий монах той обители, по имени Питирим, слепой и глухой уже много лет, находившийся во время служения в монастырской больнице, вышел в сени пред келлией своею, дабы помолиться Богу. В то время как он молился, неожиданно великий свет осиял его, так что он весьма испугался, ибо уже много лет не видал света (по причине слепоты); Питирим принял сие за бесовское обольщение;

потом осенил себя знаменiem честного креста и поднял очи свои на ту великую гору, после чего увидел на ней свет, подобный лучам солнечным; затем, сотворив молитву, тотчас начал видеть очами и слышать ушами. После утреннего славословия Питирим пришел к игумену и поведал ему, а также и братии, о полученном им исцелении от слепоты и глухоты; и все, бывшие там, прославили Бога.

Когда благочестивый муж тот Георгий (бывший в то время там), услышал о сем преславном чуде, то построил красивый храм в монастыре том во славу Пресвятой Богородицы. И тогда начали совершаться многообразные чудеса от той святой иконы; подавались исцеления многим больным; так например, благодать Пресвятой Богородицы исцелила некую женщину, по имени Неонилу, бывшую в расслаблении; была исцелена также и другая женщина, по имени Феодосия, страдавшая очами. Пресвятая Богородица явила помощь Свою некоему человеку, по имени Кодрату, одержимому беснованием и гонимому бесами по пустыне в течении десяти недель, – ничего не евшему и не пившему; Богоматерь, явившись ему, укрепила его, указала ему путь к дому его родителей и повелела придти в Свою обитель к чудотворной иконе, обещая даровать ему полное исцеление от болезни, кое и подала действительно. По заступлению Матери Божией был спасен от потопления некий человек, по имени Иоанн, занимавшийся ловлею рыбы и утопавший на озере; кроме сего Богоматерь явилась еще иному человеку, по имени Павлу, жившему в стране приморской и одержимому желудочною болезнью в течении целого года; явившись сему Павлу, Матерь Божия научила его божественному Писанию и исцелила его от болезни. Точно также Богоматерь исцеляла и от многих других неизлечимых болезней и недугов, как то: от болезней желудка, опухолей тела, различных глазных и зубных болезней; исцеляла также одержимых нечистыми духами и доныне являет чудодейственную силу Свою исцелением от различных болезней⁶. И не только там, но и в Москве совершаются многие чудеса от списка с той честной иконы, который находится в храме Святой Троицы.

Список же с иконы был сделан по следующему поводу.

В 1654 году чудотворная Грузинская икона Богоматери была принесена из Черногорского или Красногорского монастыря в Москву для поновления живописи и была поставлена, как полагают, или в Троицкой, в Никитниках, церкви. или в доме одного из прихожан сей церкви. На первой неделе Великого поста того же года иеромонах Макарий, по просьбе некоего ремесленника Гавриила Евдокимова, имевшего тяжко больного сына, принес эту икону к нему в дом для молебствия, и болящий получил исцеление. В благодарность а исцеление Гавриил Евдокимов и соорудил список с чудотворной иконы Грузинской, который поставил в Троицкой, близ Варварских ворот, церкви.

Чудеса от сей икону совершаются и поныне, и она пользуется усердным молитвенным почитанием среди жителей города Москвы⁷.

Сии чудеса подавались всем, приходившим с верою и совершались во славу Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого вместе со Отцом и Святым Духом, ныне, всегда и в бесконечные веки. Аминь.

¹ Михаил Феодорович царствовал с 1613 г. по 1645 г.

² В 1622 г.

³ Нынешняя Грузия.

⁴ Или Красногорскому.

⁵ Грузинская икона Богоматери принесена была в Черногорский (или Красногорский) монастырь в 1629 г.

⁶ В царствование Алексея Михайловича (1645-1676 гг.) чудотворная Грузинская икона Богоматери была носима в Сибирь на реку Лену и во внутренние города России: Устюг, Вологду, Переяславль Залесский и Москву. – Чудесные знамения милости Царицы небесной не перестают совершаться от Грузинской иконы и до настоящего времени. Так, в 1897 году (17 июня) была исцелена при этой иконе от крайне тяжелой и опасной болезни жена священника села Шуйского, тотемского уезда, вологодской губернии.

⁷ Более подробно о чудесных знамениях, явленных при сей иконе, можно читать в упомянутой книге: Слава Богоматери (стр. 590-591).

Тропарь Божией Матери пред иконой Ее Грузинской (Красногорской), глас 4

Днесь светло красуется обитель Красногорская,/ и с нею ликовствует Раифская пустыня,/ яко зарю солнечную, от востока возсиявшую, восприимши, Владычице,/ чудотворную Твою икону,/ еяже разгоняеши мглу искушений и бед от вопиющих верно:/ избави обитель нашу и вся страны христианския от всех навет вражиих/ и спаси души наша, яко Милосердная Заступница рода христианского.

Ин тропарь Божией Матери пред иконой Ее Грузинской (Красногорской), глас 5

Веселятся православнии народи,/ видяще, Владычице Дево Богородице,/ Твою пречудную и чудотворную икону,/ и приемлют врачевство душевное и телесное Твоею милостию всегда./ Темже и мы, покланяющесе оней, усердно Тебе вопием:/ помилуй, Благая Мати, смиренныя рабы Твоя/ и избави нас от всякаго зла и навета вражия,/ молящи Сына Твоего, Господа Иисуса,/ да, спасшеся zde, Небесное жительство получим/ человеколюбием и благодатию Его.

Кондак Божией Матери пред иконой Ее Грузинской (Красногорской), глас 8

Тебе, Избранней от всех родов, Божией Матери,/ благодарственная пения приносим,/ пришествием честныя Твоей иконы, раби Твои, Богородице, озаряеми,/ но, яко имущая державу непобедимую,/ от всяких нас бед свободи, да зовем Ти:/ радуйся, Невесто Неневестная.

Ин кондак Божией Матери пред иконой Ее Грузинской (Красногорской), глас 6

Аще попущением Божественным/ от рук неверных честная Твоя, Владычице, икона/ поруганию подвержеся/ и копьем варвар прободена бысть,/ обаче во стране нашей Православней/ любочестно всеми прославляется/ и благоговейно почитается,/ сего ради Тобою являет слепым зрение,/ глухим слышание, немым глаголение,/ хромым хождение, разслабленным укрепление,/ скорбным утешение и отраду./ Сих ради молим Тя, Милосердная Мати,/ до конца пробави милости Твоя на нас, яко Благая.

Преподобный Исаакий Оптинский

Дни памяти

1 августа - Собор Курских святых

4 сентября

24 октября - Собор всех святых, в Оптиной пустыни просиявших

Прп. Исаакий I Оптинский (Антимонов), выходец из благочестивой купеческой семьи Курска, в 1847 году, в возрасте 36 лет, поступил в Оптину пустынь. Пройдя путь от послушника до настоятеля обители (с 1862 г.), он 30 лет мудро управлял монастырём, при котором тот достиг духовного и хозяйственного расцвета. Жизнь прп. Исаакия стала воплощением идеала оптинского старчества – строгого послушания и отеческой заботы о братии. Скончался в 1894 году.

Преподобный Исаакий в сонме оптинских старцев представляет тип подвижника-строителя, 32 года он возглавлял Оптину пустынь, целиком посвятив себя монастырю, заботясь о братии, продолжая созидать тот особый оптинский дух, который насадили его

предшественники. Он принял управление обителью после кончины архимандрита Моисея и был настоятелем в период расцвета монастыря – при старце Амвросии, его преемниках по старчеству отце Иларионе и отце Анатолии (старшем), под его началом возрастали будущие старцы Иосиф, Варсонофий, Анатолий (младший). Архимандрит Моисей возродил Оптину пустынь после периода запустения, отец Исаакий продолжил его дело, упрочив положение обители, не жалея трудов для ее благоустройства. На нелегкое послушание настоятеля его благословили старцы Макарий и Амвросий, видя высокие духовные качества, молитвенность, простоту и смирение отца Исаакия, способность принять на себя попечение об устройении монастыря — и внешнем и внутреннем.

Может показаться, что старец Исаакий, несший крест настоятельства, пребывает как бы в тени старцев, духовно окормлявших насельников и паломников обители, – Амвросия, Илариона, Анатолия. Немного сохранилось его поучений, высказываний, не так подробны воспоминания о нем. Но в этом и заключается его особый подвиг – неся тяжелый груз хозяйственных дел обители, он служил братии и паломникам, явив удивительную высоту в смирении. За его простотой – удивительная глубина, цельность и сила духа. Период его настоятельства – лучшая пора в жизни Оптиной.

Семья Антимоновых

Иван Иванович Антимонов (имя преподобного Исаакия в миру) родился 31 мая 1810 года, он происходил из именитого зажиточного купеческого рода города Курска. Антимоновы имели звание почетных граждан. В доме Антимоновых царил патриархальный дух, уклад жизни строился строго в соответствии с церковными правилами, было принято почитание старших и полное им повиновение. Таким образом, навыки благочестия и послушания, столь важные для монаха, будущий подвижник получил еще в родном доме.

Главным в доме был дед Ивана – Василий Васильевич Антимонов. Он отличался особой ревностью к посещению богослужений. Его старший сын Иван Васильевич имел от трех браков тринадцать детей. Иван был последним, пятым ребенком от первого брака с Анной Пузановой. Иван был любимцем деда, тот часто брал внука с собой в храм. Василий Васильевич в церкви бывал ежедневно – обязательно ходил на утреннюю и вечернюю службу.

Иван Васильевич унаследовал от отца благочестие, любовь к храму, по воспоминаниям, его простота и доброе отношение к людям производили на всех благоприятное впечатление. Сохранилось семейное предание о путешествии его в Киев в 1809 году к старцу, иеромонаху Парфению, который приветствовал Ивана Васильевича словами: «Блаженно чрево, родившее монаха». В воспитании он придерживался строгих правил, но никогда не позволял грубости по отношению к детям, не поднимал на них руки – хотя по тем временам в купеческих семьях это было распространено. Относясь к отцу с почтением, дети в то же время любили его.

Семейство Антимоновых пользовалось всеобщим уважением в городе за безукоризненную честность, истинное благочестие, широкую благотворительность – они были щедрыми жертвователями на церковные нужды, помогали нуждающимся. В доме даже был установлен определенный день недели, в который нищим раздавалась милостыня.

Вот в такой обстановке проходили детские и юношеские годы Ивана. Подробностей об этом периоде его жизни не сохранилось, но известно, что он отличался скромностью, был молчалив. При этом, несмотря на сдержанность, Иван был наделен природной веселостью и остроумием, его присутствие всегда оживляло семейные собрания.

Жизнь в миру

По достижении зрелого возраста Иван Иванович стал помогать отцу в торговых делах. Ему постоянно приходилось иметь дело с людьми, давать распоряжения, вести финансовые

расчеты. Он умел найти подход к человеку, всех подкупали его сердечная доброта и чувство справедливости. На подчиненных он оказывал самое благотворное влияние, отучал от мошенничества, всяких попыток действовать обманом. Безукоризненная честность в делах заслужила Ивану Ивановичу всеобщее уважение.

Будучи строгим в своих требованиях, он никогда не держал обид. Известен такой случай: один из его рабочих, человек строптивного характера, из-за постоянных взысканий, которым подвергал его Иван Иванович за неисправность и дерзость, решил убить его. Когда это открылось, Иван Иванович простил рабочего и отпустил его, не предавая в руки правосудия.

В жизни Ивана Ивановича случались события, явно открывавшие ему действие Промысла Божия, неоднократно защищавшего его от смертельной опасности. Сохранились даже составленные им самим описания таких знаменательных случаев. Однажды в праздник пришлось Ивану Ивановичу работать, он взвешивал товар. Внезапно обрушилась перекладина, на которой были укреплены весы. Ивану Ивановичу грозила смерть, но тяжелое железное коромысло весом в 15 пудов даже не задело его. С тех пор он дал обет не работать по праздникам. В другой раз он вел на водопой лошадь, которая чуть не ударила его в живот, – он успел загородиться рукой, получив тяжелую рану. Один случай произошел с ним еще в детстве. Ивана вместе с приказчиком отправили сопровождающим с гуртом быков, это было непростое поручение для мальчика. Вдруг два быка понеслись в сторону, Иван попытался вернуть их, помчался за ними на лошади. Внезапно лошадь остановилась на краю глубокого рва, он даже невольно воскликнул: «Ох, Господи, что же это?» После этих слов ров исчез также неожиданно, как появился, а лошадь привезла его к гурту в полном изнеможении. Как-то на Черноморье, где у Антимоновых были рыбные ловли, Иван Иванович чуть не покалечился, и опять спасение пришло чудесным образом. Всю жизнь он был благодарен Богу и не считал избавление от этих несчастий случайностью. Возможно, эти события тоже сыграли роль в выборе пути.

Мысль о поступлении в монастырь созревала в душе Ивана Ивановича постепенно. Еще живя в миру, он добровольно принял на себя исполнение некоторых подвигов во имя Господа. Сохранилось предание, что он ежедневно на молитве полагал по тысяче поклонов. Даже в скоромные дни он не ел мяса, но делал это незаметно для членов семьи. Любовь к храму и богослужению, воспитанная в нем еще благочестивым дедом, пробудила интерес к церковному пению. Иван Иванович пел на клиросе, собирал по праздникам певчих дома, устраивал спевки, изучал ноты, некоторые впоследствии взял даже с собой в монастырь.

Одним из препятствий для того, чтобы решиться оставить мир, являлось то обстоятельство, что именно Ивана Ивановича отец видел своим преемником, ему он постепенно передал управление всеми делами Антимоновых. Он не согласился бы отпустить сына, на которого возлагал столько надежд. Тем временем один из его старших сыновей – Михаил Иванович – поступил в монашество в Оптину пустынь. Иван Иванович часто бывал в Оптиной, навещая брата. Пример его имел большое влияние на Ивана Ивановича, однажды он обратился к брату с просьбой дать ему совет насчет поступления в обитель. Михаил Иванович решительно отказался давать такой совет, считая, что в этом вопросе следует самостоятельно определиться с выбором.

К этому времени Иван Иванович уже неоднократно обращался за помощью к оптинским старцам и убедился в духовной силе их советов. Сохранилось воспоминание Ивана Ивановича о его первой встрече со старцем Леонидом: «Бывши еще мирским человеком, приехал я в первый раз в Оптину пустынь и пожелал принять благословение от отца Леонида. Пришел я к старцу рано утром. Народу у него еще не было. Только какая-то женщина стояла пред ним на коленях. Келейник доложил обо мне: "Пришел Иван Иванович Антимонов". "Пусть подождет", – громко сказал старец. Я сел в передней на лавочку. Отпустив женщину, старец громко позвал: "Ванюшка!" Никак не думая, чтобы это слово относилось ко мне, я спокойно сидел. А келейник, улыбнувшись, промолвил: "Это батюшка вас зовет". Мне, губернскому франтику, показалось очень неожиданным такое

патриархальное название. Но я этим нисколько не обиделся. Напротив, такое простое обращение великого старца пришлось мне по сердцу и почему-то очень утешило меня; и я до сих пор вспоминаю об этом с душевной отрадой. "Ванюшка! Иди-ко сюда, – продолжал старец звать меня к себе, – вот я тебя!"... Я подошел к старцу, принял у него благословение и, став на колена, объяснил ему свои обстоятельства, которые меня беспокоили. Старец, выслушав все с отеческою любовью, очень утешил меня своею беседою и, отпуская, предсказал мне, что со временем и я буду в монашестве. Лет через семь предсказание это исполнилось». Интересно, что старец обратился к Ивану Ивановичу так же, как его называл когда-то любимый дед. После кончины старца Леонида Иван Иванович, бывая в Оптиной, прибегал к советам старца Макария.

В 1842 году Иван Иванович решился уже тайно уехать в Оптину, но на полпути, вследствие собственных колебаний и рассудив, что едет без благословения старца Макария, возвратился в Курск. Полученное им позже письмо отца Макария с благословением поступать в Оптину утвердило его решимость.

В 36 лет Иван Иванович окончательно определился с намерением уйти в монастырь. Повлияло на него и очередное неудачное сватовство. Неоднократно отец предлагал ему вступить в брак, но каждый раз по тем или иным причинам попытки устроить семейную жизнь не удавались.

В 1847 году отец послал Ивана Ивановича по торговым делам на Украину. Исполнив поручение, тот решил осуществить свое давнее намерение и отправиться в Оптину пустынь, не возвращаясь домой. Написав отцу письмо, где он сообщал о своем решении, Иван Иванович поехал в Оптину. Как громом поразила Ивана Васильевича весть об уходе сына в монастырь. По воспоминаниям, узнав о происшедшем, бедный отец воскликнул: «Он, варвар, убил меня!» Долго не мог прийти в себя Иван Васильевич, проливая слезы о любимом сыне. Труднее всего решившему оставить мир расстаться с родными, вырваться из привычной, налаженной жизни. Ведь и старец Амвросий, долго не решавшийся осуществить свое решение уйти из мира, в итоге уехал в монастырь тайно, не объявив об этом ни близким людям, ни начальству – опасаясь, что, руководимые земными помыслами, из самых лучших побуждений они помешают привести задуманное в исполнение. В этих ситуациях становится очевидным смысл слов Спасителя, которые могут казаться слишком «жесткими», особенно современным людям: «И враги человеку домашние его».

Даже на пути в обитель Ивану Ивановичу пришлось бороться с желанием повернуть назад, особенно сильным оно было на последней станции, но он преодолел искушение и благополучно прибыл в Оптину пустынь.

В обители

Иван Иванович поступил в монастырь в 1847 году, при игумене Моисее и старце Макарии. Его брат в это время уже был переведен в Калужскую Тихонову пустынь иеромонахом с именем Мелетий, позднее перешел в Киево-Печерскую Лавру. Но отношения братья поддерживали, младший нередко обращался к старшему за советом, ценил его духовную мудрость.

Иван Иванович сразу был определен на жительство в Иоанно-Предтеченский скит. Как обычно, первыми его послушаниями были те, что особенно способствуют воспитанию у новонаначального смирения и терпения. Сначала он трудился на кухне – пек хлеб, позже стал поваром, выполнял и общие братские послушания – на покосе, уборке картофеля, других тяжелых работах. Он отличался крепким здоровьем и богатырской силой – мог поднимать тяжести до 15 пудов. Хотя роста был среднего, но коренастый, с благообразными чертами лица, он выделялся среди братии, всегда имел сосредоточенный вид, что отражало его внутреннее состояние.

Старец благоволил к послушнику, которого хорошо знал еще до его поступления в обитель. Он провидел в нем будущего подвижника. Особенно ценил отец Макарий присущую Ивану Ивановичу простоту – очень важное для монаха качество. Старец приучал послушника к иноческой жизни. В свою очередь Иван Иванович всей душой предался руководству старца. Возрастание инока происходит непросто – борьба со страстями сопровождается скорбями «до кровавого пота». Подвижник рассказывал, что исконный враг рода человеческого сильно возмущал его душу помыслами оставить обитель: «Волнуемый такими мыслями, шел я однажды по дорожке вдоль скитской ограды. "Ай махнуть чрез ограду", – мелькнул помысл. Но, образумившись, подумал: да уж если уходить, так ведь и ворота не затворены. Такое, хотя нечаянное, противоречие помыслу, с призыванием помощи Божией, ослабило брань».

Старец смирял своего ученика, воспитывая в нем главную монашескую добродетель – беспрекословное послушание. Как-то его духовный сын неосторожно отозвался о порядках скита, отец Макарий несколько дней не принимал его. Однажды он исповедался старцу в тщеславных помыслах о своем сильном, красивом голосе, но отец Макарий смирил его, приведя в пример быка, который, обладая гораздо более громким басом, не гордится им.

По воспоминаниям, старец Макарий неоднократно предсказывал близким людям, что послушник Иван станет настоятелем, с особым вниманием относился к нему, воспитывая будущего наставника иноков.

Иван Иванович во всем проявлял ревность – исправно посещал богослужения, приходя в храм первым и уходя последним, не позволяя себе никаких разговоров во время службы. Так же строго выполнял он и келейное правило. Не имея даже школьного образования, недостаток которого возмещался природным умом, богатым жизненным опытом, Иван Иванович в скиту много занимался чтением святоотеческих творений, что позволило ему глубоко постичь науку «внутреннего делания». Но главным руководством для него были советы старца.

Так, восходя постепенно по лестнице духовных добродетелей, Иван Иванович проходил последовательно и ступени иноческой жизни. В 1851 году он был пострижен в рясофор, 5 октября 1854 – в мантию с наречением имени Исаакия. Через год отца Исаакия рукоположили во иеродиакона, а в 1858 году он был возведен в сан иеромонаха.

Оставив мирскую жизнь без родительского благословения, Иван Иванович тяжело переживал свой разлад с отцом. И потому, прожив в скиту около года, вместе со старцем Макарием он отправился в Курск, чтобы примириться с отцом. По молитвам старца и при его содействии мирные отношения были восстановлены. Перед своей кончиной 85-летний Иван Васильевич был пострижен отцом Исаакием келейно в мантию. Напутствованный Таинствами Святой Церкви, он мирно почил о Господе.

В 1860 году скончался старец Макарий, отец Исаакий стал обращаться за советами к отцу Амвросию, под его руководством он прожил до самой кончины старца. А в 1862 году умер и настоятель Оптиной пустыни, архимандрит Моисей. Известно, что еще в 1860 году, предвидя близкий конец и зная о болезненном состоянии архимандрита Моисея, старец Макарий предпринял поездку к митрополиту Московскому Филарету, всегда особо благоволившему к Оптиной пустыни. Радужно принятый митрополитом, отец Макарий выразил ему свое желание, чтобы место настоятеля в Оптиной пустыни по кончине архимандрита Моисея занял скитский иеромонах Исаакий. Владыка вполне одобрил мнение отца Макария, с тех пор избрание отца Исаакия в настоятели было уже делом решенным. Как только слух об этом дошел до смиренного отца Исаакия, он тотчас отправился к старцу, прося в этом деле его совета и стараясь отклонить состоявшееся назначение. Но отец Макарий ответил ему: «Ну что ж, что ж? Если воля Божия будет на это и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись! Иди!»

Но когда настал момент избрания нового настоятеля, большая часть братии проголосовала за скитоначальника отца Пафнутия. В меньшинстве, подавшем голоса за отца Исаакия, оказалась старшая и наиболее почитаемая часть братии. Владыка Герасим,

викарий Калужской епархии, присутствовавший на выборах, был озадачен таким результатом. Он обратился к отцу Амвросию и узнал, что покойный старец Макарий прочил в настоятели отца Исаакия, такого же мнения был и сам отец Амвросий. Старец не участвовал в выборах, поскольку он обещал это отцу Исаакию, который не хотел для себя настоятельства. Тогда уже собственным решением владыка утвердил назначение на должность настоятеля отца Исаакия.

Во главе монастыря

Отец Исаакий принял обитель под свое управление в 1862 году, в возрасте 52 лет, прожив в ней к тому времени 16 лет. Начало деятельности нового настоятеля было осложнено тем, что избрание его произошло против воли большинства братии. Да и сам отец Исаакий не стремился к этому назначению. Оказавшись вскоре после вступления в должность наедине с владыкой Григорием, Калужским архиереем, отец Исаакий высказал ему свою скорбь относительно возложенного на него, против его воли, настоятельства: «Я лучше бы, Ваше преосвященство, согласился пойти в хлебню, чем быть настоятелем». – «Ну что ж, – ответил владыка, – пожалуй, пеки хлебы». – «А кто же настоятелем-то будет?». – «Да ты же и настоятелем будешь». На эти слова преосвященного о. Исаакий уже не нашелся что сказать.

Управление монастырем отец Исаакий осуществлял в соответствии с оптинским духом, которым проникся за годы жизни в обители под руководством старцев. Он ничего не делал без совета старца Амвросия, это было его главным принципом. Глубокая духовная любовь, полное доверие связывали старца и подвижника-настоятеля. В начале своей деятельности, взявшись с рвением за дело, отец Исаакий хотел было усилить строгость жизни братии, но его остановил отец Амвросий, понимая, что стремление к духовным подвигам не должно превосходить силы иноков, особенно новоначальных. Отец Исаакий беспрекословно повиновался и не стал вносить изменения в устав.

Всячески заботился отец Исаакий о сохранении между братьями мира, вразумлял враждующихся, склоняя к примирению. «Ах, братцы! Пожалуйста, кончите миром», – обращался он к упорствующим, и эти простые слова имели воздействие. Во всех трудных случаях он посылал иноков к старцу Амвросию, который поддерживал духовную жизнь иноков на той же высоте, как это было при его предшественниках. Благодатная сила, исходившая от старца, часто заставляла человека подчиниться его указанию даже против собственной воли.

Возлагая на старца духовное окормление братии, о. Исаакий и сам не оставлял заботы о возрастании иноков в христианских добродетелях. Его наставления были просты, но назидательны и действенны, потому что были следствием жизненного опыта и происходили от любящего сердца и искреннего желания добра духовным чадам. «Ну вот, брат, я тебя предупреждаю, а там смотри сам, чтобы мне за тебя не отвечать пред Богом», – нередко говорил он, глубоко сознавая ответственность настоятеля пред судом Божиим за каждого брата. Постриги и рукоположения совершались после должного испытания, настоятель обязательно сам внимательно приглядывался к каждому иноку, знал о его духовном состоянии. Он разъяснял братии, что постриг в рясофор или мантию – это не производство в чин, наподобие светских чинов, но образ смирения.

Особенное внимание обращал о. игумен Исаакий на посещение братией богослужений. Если замечал, что кто-то редко ходит на службу, то в трапезе обращался с увещанием ко всей братии: «Отцы святы! Забываете церковь. Надо знать, для чего мы пришли в обитель. Ведь мы должны за это пред Богом отвечать. Прошу всех вас не забывать храма Божия».

Одним из наказаний было лишение месячной порции чая. Отец Исаакий почти до самой своей кончины сам раздавал в начале каждого месяца чай и сахар братии, имея возможность таким образом поговорить с каждым, кого-то поощрить, а кого-то и поругать. Если кто-либо изъяснял неудовольствие и роптал на монастырские порядки, отец Исаакий

обыкновенно отвечал: «Брат! Возьми мои ключи и начальствуй, а я пойду исполнять твое послушание». Однажды иноку, который старался уклониться от порученного послушания, он сказал: «Ну, смотри! Если не хочешь, то уже как сам знаешь». Этими простыми словами настоятель так тронул его, что тот, кинувшись в ноги, просил прощения и тотчас на все согласился. Тогда отец Исаакий с радостью благословил его и сказал: «Вот так-то будет лучше – повиноваться и отвергать свою волю. Будешь так поступать, и впредь во всем тебе будет хорошо и радостно».

За личные оскорбления он никогда не наказывал, стараясь по возможности вразумить обидчика. Один монах, отличавшийся тяжелым характером, явившись как-то к настоятелю, наговорил ему дерзостей и хотел даже ударить его по лицу. Но отец игумен спокойно сказал раздраженному монаху: «Начинай». Пораженный таким смирением, монах повернулся и быстро вышел. Сохранился и такой эпизод: послушник из ученых, уйдя из Оптиной пустыни, долго скитался по разным местам и через некоторое время опять явился к игумену Исаакию, наговорил ему дерзостей и закончил словами: «Вот ты игумен, а не умен». Спокойно выслушав эти речи, отец Исаакий, усмехнувшись, ответил: «А ты вот и умен, да не игумен».

Благоустройство монастыря

Игумен Исаакий не раз говаривал: «Я принял обитель с одним гривенником». Это было сказано совсем не «фигурально». Действительно, по кончине архимандрита Моисея в денежном ящике обнаружился только один гривенник, да и то потому только, что он завалился где-то в трещине. Кроме того, за обителью числился большой долг. Отец Исаакий очень сокрушался о том, как же ему управлять монастырем при таком долге и отсутствии средств. Но в самом начале его настоятельства последовала явная помощь Божия, которую отец Исаакий воспринял как вразумление и благословение на дальнейшую деятельность. Давний благотворитель обители оплатил долг, а другой жертвователь внес крупную сумму на содержание монастыря. Отец Исаакий в дальнейшем не переставал уповать на Промысл Божий, раскаявшись в своем малодушии. Когда материальные нужды обители так быстро разрешились, он воскликнул: «Господи! Я, неблагодарный, не имея на Тебя надежды, стал было сетовать, а вот уже и помощь Тобою послана». Хозяйственная жизнь обители при нем шла всегда благополучно. Здесь в полной мере пригодился его богатый опыт ведения хозяйственных дел, приобретенный в миру.

Игумен Исаакий завершил постройку храма во имя Всех Святых на новом кладбище. Во Введенском соборе были обновлены иконостасы, отреставрирована настенная живопись, каменные полы заменены деревянными. Позже были проведены работы по расширению Казанского храма.

С расширением обители требовала переустройства и монастырская рухлядная. Старец Амвросий давно хотел устроить церковь во имя своих святых – святителя Амвросия Медиоланского, в честь которого его нарекли в монашестве, и благоверного князя Александра Невского – небесного покровителя старца во Святом Крещении. На средства почитателей отца Амвросия старое здание рухлядной в 1885 году было перестроено для храма с двумя приделами в честь святых покровителей старца, а для рухлядной выстроили новое двухэтажное здание.

В 1874 году была построена и новая больница в два этажа, с церковью во имя св. Илариона Великого – инициатором в этом деле был скитоначальник отец Иларион, в старости страдавший тяжелой продолжительной болезнью. Игуменом Исаакием была также устроена книжная лавка – из неудобного помещения в святых вратах ее перевели в более подходящее место и расширили.

Настоятель не уставал заботиться обо всех нуждах обители. Им были приобретены лесные угодья и тем самым решена проблема с дровами для отопления и деревом для строительства, закончена постройка водопровода, куплена болотистая местность и

посредством осушительных работ превращена в заливные луга, построен свечной завод. Хороший воск для изготовления свечей – по низким ценам, а иногда и в виде пожертвования – поставлял монастырю племянник настоятеля, с благоговейным почитанием относившийся к обители.

Главными помощниками настоятеля были казначей отец Флавиан и письмоводитель иеромонах Макарий (Струков), не жалевшие сил в трудах на благо монастыря. Игумен Исаакий поощрял стремление отца Флавиана разводить в обители сады и огороды. Места, заваленные прежде мусором, были тщательно расчищены, удобрены и на них посажены фруктовые деревья, устроены грядки.

Но деятельность игумена касалась не только нужд монастыря и братии, при нем паломники в обители встречали поистине отеческую заботу. По распоряжению отца Исаакия было построено новое здание гостиницы и благоустроены старые гостиницы у святых врат. Для монахинь, во множестве приезжавших к старцу Амвросию за советом, было построено отдельное здание, где они могли останавливаться бесплатно. Всем посетителям в книжной лавке бесплатно раздавались иконочки и недорогая душеполезная литература на память о посещении монастыря.

Монастырь поддерживал нуждающихся – и милостыней, и разнообразной помощью. Для странников, убогих и неимущих о. Исаакий построил особое здание странноприимной, где по его распоряжению кормили каждую субботу около 300 человек, раздавая при этом милостыню от 10 до 15 рублей каждому нуждающемуся. Кроме того, каждый день после братской трапезы предлагалась безвозмездно трапеза посетителям. Строевой лес, который после приобретения новых угодий у обители был в достатке, игумен бесплатно давал бедным крестьянским семьям на постройку домов.

Когда отец Амвросий занялся устройством Шамординской обители, он стал часто отлучаться из монастыря, а потом и совсем переселился в Шамордино. Отцу Исаакию, привыкшему, что любимый старец всегда рядом и к нему незамедлительно можно обратиться по любому вопросу, тяжело было в разлуке со своим духовным отцом. Но вслед за отцом Амвросием он стал относиться к Шамордино как к своему детищу, после кончины старца защищал сестер, во всем оказывал им поддержку. Даже когда владыка Виталий, не благоволивший к Шамординской обители, пытался препятствовать той помощи, которую Оптина оказывала подопечному молодому монастырю, игумен Исаакий, не боясь недовольства владыки, продолжал оказывать содействие сестрам обители – направлял туда духовников для окормления сестер, входил во все их нужды.

Многолетняя деятельность игумена Исаакия на благо обители не осталась незамеченной. Неоднократно он был поощрен различными церковными наградами. Но нелицемерное смирение и скромность никогда не позволяли ему превозноситься какими-то отличиями. Когда в 1872 году его хотели возвести в сан архимандрита, он уклонился от этого «повышения», и лишь в 1885 году, уже не спрашивая его согласия, отца Исаакия произвели в архимандриты.

В конце жизни пришлось перенести ему и поношение. Преосвященному Виталию стали поступать доносы, будто оптинский настоятель отец Исаакий за старостью неспособен к управлению монастырем. После дознания и единогласного подтверждения всей братии, что «настоятель их примерный и они желают пребывать под его руководством до самой его смерти», Преосвященный Виталий выдал о. Исаакию письменные на него доносы, обещая строго наказать виновных. Но тот со слезами просил владыку никого не наказывать.

Духовный облик архимандрита Исаакия

Игумен Исаакий, по воспоминаниям, производил впечатление сурового монаха. Он был молчалив, на людях взор его обычно был опущен, впервые видевшие настоятеля даже поначалу побаивались его строгого вида. Но главным его свойством была удивительная простота во всем. В своей повседневной жизни он ничем не выделялся среди братии.

Одевался, как и все, – носил старый поношенный подрясник. На трапезу ходил вместе с братией, никогда ему не готовили пищу отдельно. Обстановка его жизни была аскетичная. Отец Исаакий занимал две комнаты в настоятельских покоях – одна служила спальней, другая – молельной. В спальне стояли простая кровать с жесткою постелью и конторка, за которой он занимался делами. На ней стояли часы, доставшиеся ему от архимандрита Моисея, с надписью: «Не теряй времени».

Отец Исаакий избрал лучший способ воспитания и назидания иноков – собственным примером. Его строгость к себе поражала всех. Отец Исаакий вставал в полночь, исполнял положенное в скиту келейное правило и затем уже шел к утрени. Будильщик никогда не заставлял его спать. К ранней обедне он ходил постоянно, поминал во время проскомидии всех своих родственников и благодетелей обители. Во время поздней обедни и после полуденного краткого отдыха принимал посетителей, занимался делами обители, а при первом ударе колокола к вечерне спешил опять в храм. Посты он соблюдал со всей строгостью. На первой седмице Великого поста, даже в старости, всегда сам читал канон Андрея Критского. Постовое богослужение он особенно любил. До последних дней сохранил красивый густой низкий голос, его чтение в храме всегда было отчетливым, внушало благоговение к службе.

Переселившись поневоле в монастырь из скита, отец Исаакий с грустью вспоминал об уединенной жизни. Как-то к нему пришел один из новоначальных, прося определить его в скит. Настоятель, похвалив его намерение, сказал: «Это хорошо. Помогите тебе Господи! Скит – тихое пристанище. Я сам прожил в нем 16 лет и опять пошел бы туда, и оставил бы свое начальство; блаженны дни, которые я провел в скиту».

Занимая высшую должность в монастыре, отец Исаакий никогда не мог позволить себе и мысли принять какое-либо решение без благословения старца. Именно на этом и созидался тот особый оптинский дух, производивший неизгладимое впечатление на всех посетителей монастыря. Подчинение всей братии – от настоятеля до последнего послушника – старцу, это подчинение Божией воле, открываемой через старца. Человеческие рассуждения, помыслы, соображения в разрешении вопросов монашеской жизни, таким образом, исключаются.

Каким путем о. Исаакий достиг благодатного смирения, видно из его слов иноку, спросившему, как победить гордость: «Как победить? Для этого необходимы борьба и самопонижение к смирению. Это не вдруг приходит, а со временем. Это то же, что пролить кровь. Проси Бога. Постепенно будешь осваиваться со смирением, а после оно и в навык обратится». Сохранились яркие эпизоды, из которых очевидно было, что смирение в душе отца Исаакия действительно уже обратилось в «навык». Однажды совершались в обители похороны. Отец Исаакий не успел вовремя прийти к могиле и пробирался сквозь густую толпу братии, чтобы проститься с усопшим. Взяв одного из них за рукав, отец Исаакий хотел с его помощью подняться на насыпанную при могиле землю, но тот, не заметив настоятеля, сильно оттолкнул его, так что отец Исаакий чуть не упал, но при этом нисколько не смутился, отошел в сторону и стал смиренно ждать своей очереди. Когда наблюдавшие это посетители выразили свое удивление, некоторые из братии заметили: «Да мы никогда не видали, чтобы он за подобные поступки когда-либо с кого взыскивал; по делам он наш начальник, а так держит себя как брат». Отец Исаакий никогда не выделял никого из братии, чтобы не смутить остальных, но умел незаметно для остальных проявить внимание к немощным, болящим, пожилым монахам, оказывая им помощь и снисхождение.

Игумену Исаакию довелось управлять монастырем, когда в обществе стали распространяться вольнодумие, неповиновение начальству. Поступавшие в обитель нередко были уже заражены этой духовной болезнью своего времени. Отец Исаакий внушал новоначальным необходимость смирения и послушания для христианина. Если провинившийся брат искренно раскаивался, настоятель никогда не припоминал ему вины. Но если послушник проявлял упорство, дерзость, неповиновение, игумен, не смущаясь,

исключал его из братии, чтобы не нарушать установившийся порядок и не смущать новоначальных.

Братия очень любила своего игумена, это проявилось и в том, что между собой насельники называли отца Исаакия «дедушкой». Сохранились многочисленные свидетельства молитвенной помощи настоятеля своим подопечным. Многие признавали силу и действенность его слова, часто иноки, входя к нему расстроенными, выходили от «дедушки», забыв все свои скорби. «Какие у нас скорби? – говорил отец Исаакий, – у нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его; живем на всем готовом». Если он обращался к человеку с наставлением, оно всегда было глубоким, мудрым, полезным для души. Одна из образованных посетительниц после беседы с отцом Исаакием спросила: «Батюшка, а в каком университете вы воспитывались?». Удивленный таким неожиданным вопросом, отец Исаакий сообщил ей, что не заканчивал никаких учебных заведений. Когда он рассказал об этом старцу, оба они от души посмеялись над этой сценой.

Последние дни и кончина архимандрита Исаакия

На состоянии отца Исаакия, даже в преклонные годы отличавшегося хорошим здоровьем и бодростью духа, тяжело сказались сначала отъезд старца Амвросия в Шамордино, а затем и его кончина. Все годы настоятельства он был «при старце», руководствуясь его помощью, советами. Эти события повлияли и на дела обители – после смерти старца Амвросия паломников стало меньше, сократились и пожертвования. Поддерживать хозяйство большого монастыря было уже непросто.

Вследствие этих обстоятельств с архимандритом Исаакием случился первый удар, правда, легкий, больной вскоре оправился. Но здоровье его пошатнулось. Он пожелал келейно принять пострижение в схиму, которое совершил братский духовник, скитоначальник отец Анатолий. В июне 1895 года у него началась предсмертная болезнь – дизентерия, настоятель-подвижник начал заметно слабеть и готовиться к исходу. Братия, видя состояние игумена, тяжело переживала его болезнь, насельники стали приходить, чтобы получить последние наставления и напутствия. Старец каждого благословлял иконой, говорил слово на пользу. На просьбу указать своего преемника отвечал: «Матерь Божия Сама укажет вам игумена». Во все время болезни он выслушивал келейное правило, а за две недели до кончины ежедневно причащался Святых Христовых Тайн. К медицинским средствам он не прибегал, хотя в начале болезни по настоянию братии и пригласил однажды врача из Козельска.

Стояло жаркое лето, больному было душно лежать в келлии, он пожелал быть на воздухе. Его постель поместили во дворе настоятельского корпуса, под тенью большого дерева. Сюда стекались для прощания с ним как братия, так и посетители. Трогательно было видеть подвижника, окруженного толпой народа, с замиранием сердца ожидавшего, когда можно будет подойти к нему под благословение и получить духовное назидание. Последнее его наставление ко всем было следующее: «Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо». Многие из прощавшихся с ним плакали.

20 августа последовал еще один удар, после этого отец Исаакий уже не мог говорить. Его перенесли в настоятельские покои, знаками умирающий выразил желание причаститься Святых Христовых Тайн, что и было исполнено. В таком положении отец Исаакий провел еще два дня, не теряя сознания и постоянно перебирая четки с молитвою. 22 августа в 8 часов вечера он мирно почил о Господе в возрасте 85 лет.

На следующий день тело почившего настоятеля торжественно перенесли в церковь. 24 августа, по совершении Божественной литургии, был совершен чин погребения. Тело новопреставленного архимандрита Исаакия было предано земле в Казанском соборе, у правой стены за клиросом.

Завершим жизнеописание старца Исаакия словами иеромонаха Трифона, произнесенными во Введенском соборе Оптиной пустыни на заупокойной службе в девятый день по кончине архимандрита Исаакия: «Но вот жизненный подвиг его окончен, окончена тяжелая борьба со страстями и похотями, очищено сердце, пора испытаний прошла... И теперь, уповаем, возлетел он в светлые небесные обители, оставив нам в наследие те начала, какими достигается чистота сердца и зрение Бога – отсечение своей воли и умерщвление страстей подвигами. И пока они будут тверды среди иноков, будет тверда и Оптина пустынь. И в памяти их да утвердятся и укрепятся они в ней навеки. И это будет лучшей ему наградой, ибо верим и надеемся, что и с высоты небесной он будет взирать на чад своей обители и радоваться и веселиться их духовному преуспеянию и исканию себе спасения».

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-isaakij-i-antimonov-optinskij>

Тропарь, глас 1

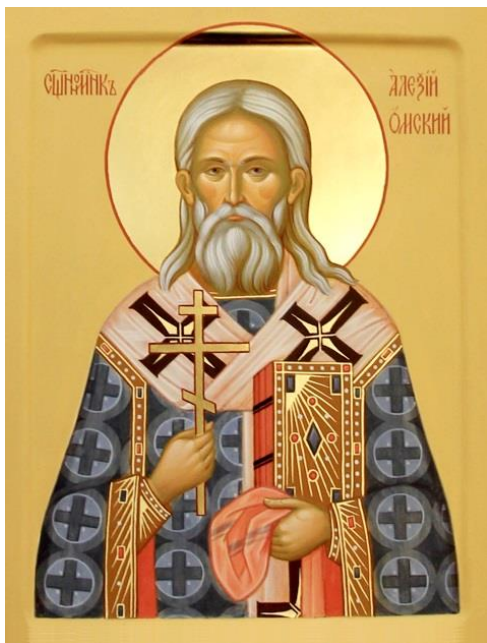
Постническими украшен добротами,/ кормчий изряден монашествующим был еси,/ чистотою и простотою Духа благодать стяжав,/ Оптинского старчества явился еси украшение./ Сего ради зовем тебе, Исаакие:/ слава просветившему тя Христу,/ слава укреплявшему тя,// слава подающему тобою нам исцеления.

Кондак, глас 3

Ангельскому чину подражая,/ плоть твою духови покорил еси,/ смиренным же сердцем любовь Христову стяжав,/ изрядный наставник пастве твоей явился еси,/ Исаакие отче богомудре,/ Христа Бога моли/ благочестие Отечеству нашему даровати// и спасение душам нашим.

Святые Казахстанской земли

Алексий (Орлов) (1862 - 1937) – архиепископ Омский, священномученик

В миру Алексей Степанович Орлов, родился 8 февраля 1862 года, в городе Самаре в бедной семье псаломщика. Семья была глубоко верующей.

Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия.

16 августа 1895 года рукоположен в сан священника, и состоял на службе в разных храмах города Самары, а затем в сане протоиерея, - в Самарском кафедральном соборе.

В 1922 году овдовел, и в том же году принял монашество.

3 июня 1923 года состоялась его хиротония во епископа Бугульминского, викария Самарской епархии. Вероятно, во второй половине сентября 1923 года стал епископом Бугурусланским, также викарием Самарской епархии. Известно его письмо к патриарху Тихону, датированное 26 сентября 1923 года, в котором епископ Алексей сообщает об аресте

Самарского епископа Анатолия (Грисюка) и о своем вступлении в управление епархией по благословению владыки Анатолия.

В конце 1923 года уклонился в обновленчество и был назначен обновленческим епископом Бугурусланским, с правом временного управления Самарской епархией. В 1924 году в Самарском кафедральном соборе всенародно принёс покаяние за уклонение в обновленчество, и был снова принят в общение Русской Православной Церковью в сущем сане.

В 1924 году назначен епископом Курганским, викарием Тобольской епархии.

16 сентября 1927 года был назначен епископом Малмыжским, викарием Сарапульской (Ижевской) епархии.

24 февраля 1931 года - переведён епископом Енотаевским, викарием Астраханской епархии. По воспоминаниям А.И. Кузнецова, епископ Алексей (Орлов), прибыл в Астрахань в сентябре 1930 года, после ареста временно Управляющего Астраханской епархией епископа Вольского Андрея (Комарова). Фактически все время, пока епископ Андрей находился под стражей, до февраля 1931 года, на епископа Алексея легло бремя управления епархиальными делами.

Епископ Алексей был скромным, обаятельным человеком и за это он пользовался всеобщей любовью верующих. В обхождении он был очень прост, вел аскетический образ жизни, ежедневно служил в храме, главным образом в храме Князя-Владимира, около которого он жил в доме на улице Радищева, 38. Сохранилось описание внешности епископа: высокий рост, пышная, буквально до пояса, борода, белое румяное лицо с добрыми глазами и выразительной улыбкой.

Однажды, в канун праздника Сретения Господня, произошел такой случай. Епископа Алексея пригласили служить всенощную в Тихвинской церкви. Он приехал, прихожане встретили его, и служба началась. Вскоре сюда же в церковь прибыл епископ Андрей (Комаров), утром освобожденный из тюрьмы. Он, никем не встреченный, прошел в алтарь. Что произошло в алтаре неизвестно, но только на литургию вышел епископ Андрей. В церкви поднялся шум, были слышны голоса: "Где епископ Алексей?" Верующие подступили к епископу Андрею и стали требовать его удаления, желая, чтобы службу продолжил епископ Алексей. Владыка Андрей хотел, что-то сказать, но во всеобщем гвалте его не было слышно. Служба была сорвана. Естественно, что этот самый случай никак не мог способствовать хорошим отношениям между епископами. Владыка Алексей остался в Астрахани на положении викарного архиерея, но служить ему удавалось изредка и только в Князь-Владимирском храме.

В апреле 1931 года, епископ Алексей был удален из города. Только в 1933 году, из письма самого владыки, астраханцы узнали, что же произошло: "Как-то я купил, - писал епископ Алексей, - стопу почтовой бумаги, каждый лист которой был украшен жирной типографической печатью: "Религия - орудие угнетения трудящихся масс". Этот лозунг я искусно переделал, и у меня получилось: "Религия - орудие утешения трудящихся масс". В такой переделке бумага и защеголяла по свету, в моей деловой корреспонденции. Кому - то показалось это вольностью, и я оказался в Сызрани".

5 июня 1931 года был назначен епископом Сызранским, викарием Самарской епархии, но и здесь он пробыл недолго. Почти тут же его выслали в Сибирь, в Омск.

24 августа 1931 года он был назначен епископом Омским.

11 августа 1933 года был возведен в сан архиепископа.

24 апреля 1935 года был арестован на основании справки, составленной СПО УНКВД по Омской области, в которой говорится: "По имеющимся в нашем распоряжении данным, проживающий в городе Омске архиепископ ОРЛОВ Алексей Михайлович - 73 года, будучи враждебно настроен по отношению к существующему строю, сгруппировал вокруг себя

единомышленников из Тихоновского духовенства и беглых людей. Данная группа во главе с архиепископом Орловым А. на протяжении нескольких лет систематически занималась ведением антисоветской агитации, направленной против политики партии и Советской власти, распространяя провокационные слухи о предстоящей войне и неизбежности гибели Советской власти... В связи с закрытием в городе Омске Знаменской церкви Тихоновской ориентации архиепископ Орлов под видом своих именин созвал у себя на квартире нелегальное сборище - сторонников, на котором выступал перед присутствовавшими с агитационной речью, призывая помолиться, чтобы избавить Церковь и страну от бед и напастей. На основании вышеизложенного... арестовать по данному делу лиц... и привлечь к ответственности по ст.58-10-11 УК РСФСР..."

На допросах, которые продолжались до 10 июля 1935 года, владыка держался с достоинством, показал себя человеком честным, бесстрашным, полностью доверяющим своему ближайшему окружению. Из материалов допросов выяснилось, что владыка разъяснял пастве пагубность раскола и обновленчества, оказывал материальную помощь ссыльному и репрессированному духовенству, содействовал бежавшим из ссылки священнослужителям, беспокоился о материальных нуждах вверенной ему паствы, остро реагировал на взрыв в городе Омске Ильинской церкви.

10 июля 1935 года было составлено обвинительное заключение, в котором значилось: "...Орлов Алексей Степанович, 1862 года рождения, обвиняется в том, что: возглавлял контрреволюционную пораженческую группу духовенства Тихоновской ориентации. Сам распространял провокационные слухи о скорой предстоящей войне Японии с СССР и неизбежности гибели Советской власти, обрабатывал верующих в пользу Японии, доказывая, что она является защитницей христианства; распространял провокационные слухи, что в случае войны Красная Армия восстанет; в связи с убийством Кирова говорил, что "много пострадало невинных".

22 июля 1935 года дело было передано на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

25 октября 1935 года архиепископ Алексей был осужден по статье 58-10, 58-11 УК РСФСР за "участие в контрреволюционной группе" и приговорен к 5 годам ссылки, в Казахстан.

23 декабря 1936 года он прибыл в город Мирзоян (современный Тараз). Здесь архиепископ Алексей помогал организовывать "староцерковническую" (принадлежащую к Патриаршей Церкви) общину, составлял списки ее членов, писал заявление в райисполком и давал советы по регистрации общины. Несмотря на запреты властей, по просьбам верующих совершал требы.

15 мая 1937 года был арестован Мирзоянским РО НКВД по обвинению в участии в "контрреволюционной организации церковников", и заключен в тюрьму города Мирзоян.

Проходил по одному делу с расстрелянными в городе Чимкенте митрополитами Кириллом (Смирновым), Иосифом (Петровых) и другими священнослужителями и мирянами. В обвинительном заключении по данному делу, вынесенном 23 августа 1937 года, владыка Алексей обвинялся в том, "что на территории Южно-Казахстанской области Казахской ССР, отбывающими административную ссылку бывшими видными церковниками Смирновым К.И., Петровых И. и Кобрановым Е. был организован контрреволюционный центр, куда вошли значительные по количеству кадры церковников, монахов, попов, кулаков и офицеров. В основу центр ставил своей задачей организацию всех контрреволюционных сил церковников в строго законспирированное подполье для активного повстанческого выступления против советской власти в момент ожидающейся интервенции против СССР, установления Патриаршества и главы Церкви над государственной властью. С этой целью среди руководящего состава главой Русской Церкви было решено считать Смирнова Константина и о чем были поставлены в известность некоторые контрреволюционные формирования. В разных населенных пунктах СССР, вплоть до рабочих центров, на фабриках были организованы рабочие

общины, тайные монастыри, где под руководством епископов, попов и монахов проводились вербовки новых членов в контрреволюционную организацию, проводились пострижения... Руководители центра на условные адреса регулярно получали денежную помощь из разных мест СССР от своих филиалов, которыми на местах по установке центра проводились тайные сборы средств среди верующих..."

Кроме общего обвинения было поставлено в вину:

"Орлов Алексей - организатор новых нелегальных общин в Манкенте и Мирзояне. Являлся организатором контрреволюционных ячеек, связистом между архиепископом Ташкентским Борисом Шипулиным и Иосифом Петровых. Вел контрреволюционную агитацию о скором падении Мадрида и высказывал пораженческие настроения".

На допросах владыка Алексий не отрицал, что "помогал, как духовное лицо оформить религиозную общину староцевковническую, технически составлял списки лиц, входящих в общину, писал заявление в райисполком и безграмотным давал советы как нужно идти в райисполком регистрировать общину"; не отрицал, что "имел связь с архиепископом Борисом Шипулиным, который управляет Ташкентской епархией, у него состоял на учете, как служитель религиозного культа, т.к. каждый служитель религиозного культа по правилам староцерковным должен стать на учет, где бы он не находился...". Но на вопросы о его антисоветской и контрреволюционной деятельности отвечал: "Никакой антисоветской деятельностью я не занимался". При предъявлении обвинения заявил: "Винным себя не признаю ни в чем".

Протокол последнего допроса занял две строчки:

Вопрос: Вы являетесь членом контрреволюционных организации церковников и должны признаться, рассказать откровенно и подробно о своей контрреволюционной деятельности.

Ответ: От откровенных показаний отказывается, заявляет, что не знает.

26 августа 1937 года тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской области был осужден по статье 58-10, 58-11 УК РСФСР за "антисоветскую деятельность" и приговорен к расстрелу.

4 сентября 1937 года был расстрелян близ города Чимкента, у Лисьей балки. В настоящее время место захоронения неизвестно.

5 июля 1958 года Президиумом Южно-Казахстанского областного суда был реабилитирован по 1937 году. 22 июня 1989 года Прокуратурой Омской области был реабилитирован по 1937 году.

Канонизирован на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/461-aleksij-orlov.html>

Федор Федорович Маляровский (1885 - 1937) – священник, священномученик

Родился в 1885 году в селе Новоорское Оренбургской области. О нем известно, что он был священником и в 30-е годы проживал в селе Гродеково Мирзоянского района Южно-Казахстанской области.

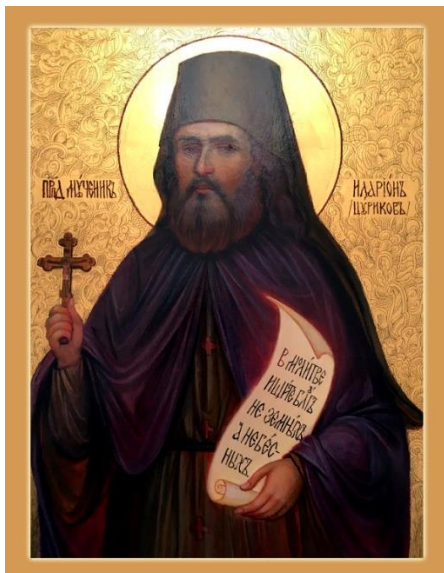
12 июня 1937 года отец Федор был арестован Мирзоянским РО НКВД. В уголовном деле он определялся как "священник тихоновской ориентации" и обвинялся в "проведении контрреволюционной троцкистско-фашистской пропаганды". На процессе отец Феодор виновным себя не признал.

31 августа 1937 года военный трибунал УНКВД СССР по Южно-Казахстанской области приговорил иерея Федора Маляровского к высшей мере наказания. 4 сентября 1937 года он был расстрелян.

На юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 году священномученик Феодор был причислен к лику святых.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/505-fedor-malyarovskij.html>

Илларион (Цуриков) (1856 - 1937) – иеромонах, преподобномученик

Родился 8 апреля 1856 года в селе Кривополяны, Острожского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. Принял монашеский постриг, пребывал в Русском великомученика Пантелеимона монастыре на Афоне. Имеющиеся сведения позволяют предполагать тождество Илларион с одним из главных деятелей имяславия, Иринеем Цуриковым предположительно, принявшим схиму с именем Иларион. 3 июля 1913 года на пароходе "Херсон" депортирован в Россию в числе имяславцев.

Служил в московском в честь Покрова Пресвятой Богородицы монастыре, где уже находились многие имяславцы. Рукоположен во иерея, время и место рукоположения неизвестны.

В 1924 году жил вместе с афонским монахом Иоанном (Лабой) на хуторе Солёный Армавирского округа 29 июня 1924 года их арестовали по обвинению в том, что

"шли против советской власти и держались за старое". Особым совещанием при ОГПУ иеромонаха Иллариона приговорили к 3 годам ссылки в Нарымский край. Отбывал наказание в городе Обдорске (ныне Салехард). После окончания монахи поселились в горах на пасеке близ города Фрунзе (ныне Бишкек).

2 февраля 1930 года по обвинению в "антисоветской деятельности" они вновь были арестованы.

9 июня 1930 года особым совещанием при Коллегии ОГПУ Средней Азии иеромонаха Иллариона приговорили к 3 годам ссылки в город Кызыл-Орда (ныне Кызылорда, Казахстан). Также он отбывал заключение в городе Гурьеве (ныне Атырау, Казахстан).

После освобождения поселился в городе Аулие-Ата (в 1936-1938 - Мирзоян, ныне Тараз, Казахстан). Туда к нему приехали его сестры монахини Магдалина и Гавриила и прмч. Иоанн. И. и прмч. Иоанн тайно совершали богослужения и монашеские постриги, принимали обращавшихся за советом местных жителей. Свидетели замечали, что он "в своих беседах защищал Патриарха Тихона". Это косвенно указывает на то, что он оставался в Патриаршей Церкви, осуждал обновленческий раскол.

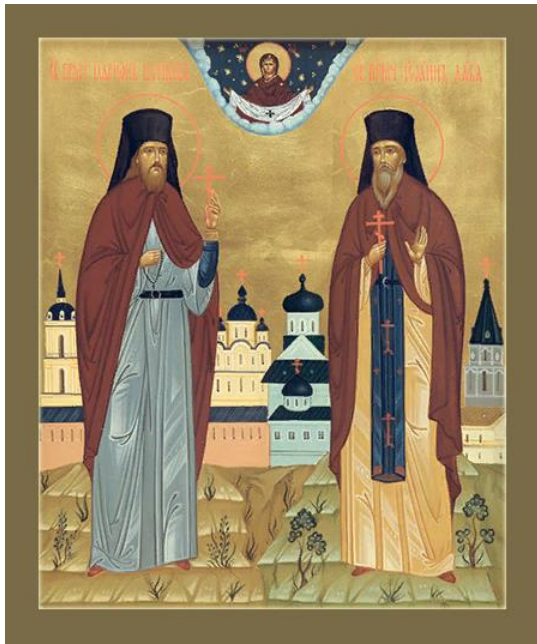
24 июня 1937 года арестован вместе с отцом Иоанном по обвинению в "пораженческой агитации", "участии в контрреволюционной организации» и как "руководитель тайного монастыря", заключен в тюрьму города Мирзоян. Проходил вместе с прмч. Иоанном по групповому делу Омского архиепископа сщмч. Алексия (Орлова). Виновным себя не признал.

26 августа 1937 года Особой тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской области приговорен к расстрелу.

Погребен в неизвестной могиле. Прославлен Архиерейским юбилейным Собором 2000 года.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/480-illarion-tsurikov.html>

Иоанн (Лаба) (1859 - 1937) – иеромонах, преподобномученик

Родился 3 июля 1863 года в селе Серебия Гайсинского уезда Киевской губернии.

Принял монашеский постриг с именем Флавий. Рукоположен во иерея, служил в Фиваидском скиту Русского великомученика Пантелеимона монастыря на Афоне, участвовал в имяславческом движении.

В мае 1912 года поставлен монахом Иринеем (Цуриковым) духовником Фиваидского скита. 2 декабря того же года присутствовал на собрании братии Фиваидского скита, на котором было принято "Соборное рассуждение о Имени Господа нашего Иисуса Христа" в духе имяславия. По свидетельству архиепископа Вологодского Никона (Рождественского), в июне 1913 года несколько раз приходил к нему, "то каясь, то опять отрекаясь от православного учения", и только после беседы с преподавателем Троицким и долгих колебаний отрекся от имяславия. Подписал жалобу, которую афонские иноки подали на рассмотрение Поместного Собора Православной Российской Церкви, составленную 27 октября 1917 года в дополнение к прошению от 15 октября того же года. Имяславцы просили "разобрать афонское дело" и снять с них церковное отлучение.

В 1924 году арестован в городе Армавире, осужден ОСО при ОГПУ по статье 58-1 и сослан в Нарын. Ссылку отбывал в Турткуле, в Шарухане.

В 1930 году вторично осужден ОСО при ОГПУ к высылке на 3 года. Сослан в Такмак, где жили с монахом Иларионом (Цуриковым) в ущелье близ Такмака.

24 июня 1937 года арестован в городе Мирзояне. Содержался в тюрьме городе Мирзояна.

В 1919-1920 годах жил в уединении в окрестностях хутора Солёный (ныне Темрюкского района Краснодарского края).

29 июня 1924 года оба были арестованы по обвинению в том, что "шли против советской власти и держались за старое". Особым совещанием при ОГПУ СССР он был приговорен к 3 годам ссылки в Нарымский край. Отбывал наказание в селе Подбельник Томской губернии. По окончании срока ссылки поселился вместе с прмч. Иларионом в горах на пасеке близ города Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизия).

2 февраля 1930 года преподобномученики Иларион и Иоанн были арестованы по обвинению в "антисоветской деятельности".

9 июня особым совещанием при Коллегии ОГПУ Средней Азии монах Иоанн приговорен к 3 годам ссылки в город Кызыл-Орда (ныне Кызылорда, Казахстан). Отбывал заключение в городе Турткуль Каракалпакской АССР.

Освободившись из лагеря в 1935 году, поселился в городе Аулие-Ата (в 1936-1938 годах - Мирзоян, ныне Тараз, Казахстан), где жил после ссылки прмч. Иларион. Они тайно совершали богослужения и постригали в монахи.

24 июня 1937 года они были арестованы по обвинению в "пораженческой агитации" и "участии в контрреволюционной организации" как "руководители тайного монастыря", заключены в тюрьму города Мирзояна. Проходил вместе с прмч. Иларионом по групповому делу Омского архиепископа сщмч. Алексия (Орлова). Виновным себя не признал.

23 августа Особой тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской области приговорен к расстрелу.

Погребен в неизвестной могиле.

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором 2000 года с именем Иоанн (под этим именем упоминается в следственных делах).

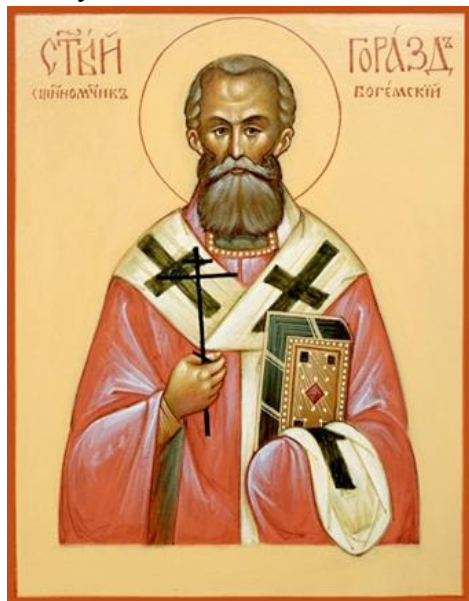
По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/481-ioann-laba.html>

Священномученик Горазд (Павлик) Богемский и Мораво-Силезский, епископ

Сщмч. Горазд (в миру Павлик Матей, 1879-1942) – чешский православный епископ и просветитель. Окончив католическую семинарию, служил священником, но в 1920 году перешел в православие. В 1921 году хиротонисан во епископа Моравского и Силезского. Активно строил храмы, переводил богослужебные тексты, боролся с ересями. Арестован гестапо, после пыток расстрелян 4 сентября 1942 года. Канонизирован в 1987 году.

В миру Павлик Матей, родился в семье образованного крестьянина Яна Павлика и его супруги Анны, урожденной Белчиковой, в селе Груба Врбка (Южная Моравия, Австро-Венгерская империя) 26 мая 1879 года. Родители его были римо-католиками. Матей с радостью участвовал в богослужениях в соседнем Кужелове. Он был любим и учителями, и соучениками. Учился отлично, а в свободное время много читал, особенно литературу, говорившую о жизни первых христиан.

После окончания начальной школы он учился в римо-католической гимназии в Кромержиже. В седьмом классе начал самостоятельно изучать старославянский язык. Учёбу окончил с отличием.

В 1898 году поступил на римо-католический богословский факультет университета в Оломоуце. В 1900 году, при переходе со второго на третий курс факультета, совершил поездку в Киево-Печерскую Лавру.

В 1902 году окончил богословский факультет по первому разряду и 5 июля в Оломоуцком римо-католическом соборе святого Вацлава был рукоположен в сан священника и назначен на приход в Карловичах, а потом в Брумовице. С 15 сентября 1906 года до 1 мая 1920 года служил священником в психиатрической лечебнице в Кромержиже. Снискал большое уважение не только среди вверенных ему больных, но и среди врачей и персонала лечебницы.

Решительная перемена в религиозном его мировоззрении произошла во время нападения Австро-Венгрии на Сербию. В отличие от большей части римо-католического духовенства, он осуждал агрессию Австро-Венгрии и Германии против Сербии и начал издавать журнал "Право народа", в котором публиковались статьи, призывающие к реформации римо-католической церкви.

Осенью 1918 года, после окончания войны, когда в национальной и религиозной жизни получившей независимость Чехословакии совершались большие перемены, он тяжело заболел и почти лишился зрения. Ему пришлось долгое время пролежать в больнице, что и послужило причиной его ухода на пенсию, несмотря на молодой возраст.

В эту пору, после распада Австро-Венгрии и образования Чехословацкой республики, около полумиллиона её жителей вышли из римо-католической церкви, так как классический римо-католицизм воспринимался многими чехами и словаками как религия

австрийских завоевателей. 8 января 1920 года было объявлено об образовании "Чехословацкой церкви," считающей себя наследницей как гуситской, так и кирилло-мефодиевской традиций. Главой церкви стал бывший католический священник доктор богословия Карл Фарский. С этим движением отец Матей не мог согласиться полностью, поскольку оно было лишено иерархии и связи со Вселенской Церковью, но в нем созрело решение выступить для просвещения народа в духе Православия.

11 октября 1920 года он официально вышел из римо-католической церкви и присоединился к Чехословацкой национальной церкви с намерением защищать в ней православное направление. Однако, трудиться в этом направлении было нелегко, ибо либеральное крыло движения было очень сильно.

С 1 июля 1921 года отец Матей был определён в церковные администраторы области Моравия и Силезия. В том же месяце начал издавать религиозный журнал "За правду," в котором защищал православные принципы от нападений радикалов, которые захватили ведущие посты в руководстве Чехословацкой церкви.

Благодаря его усилиям I собор Чехословацкой церкви принял православные нравственность и вероучение. На II соборе 29 августа 1921 года было окончательно принято решение, что вероучение Церкви должно быть православным, были признаны постановления семи Вселенских Соборов. На этом соборе уже присутствовал и экзарх Сербской Православной Церкви епископ Нишский Досифей, чем и было положено начало каноническому общению. Второй собор вынес также решение, что название Церкви будет "Чехословацкая Церковь Православная."

21 сентября 1921 года отец Матей на Фрушкой Горе в Лавре Крушедол постригся в монашество с наречением в честь равноапостольного Горазда. На следующий день в монастыре Гргетек иеромонах Горазд был возведен в сан игумена, а вечером того же дня епископом Досифеем в монастыре Хопово – в сан архимандрита. 25 сентября 1921 года в соборе святого Михаила архимандрит Горазд был рукоположен во епископа Моравского и Силезского. Хиротонию совершили патриарх Сербский Димитрий, митрополит Киевский Антоний, митрополит Варнава, епископ Досифей и епископ Иосиф в присутствии всех архиереев Сербской Церкви.

Став православным архиереем, епископ Горазд был вынужден вести борьбу за утверждение православия в Чехословацкой церкви, так как радикалистов в её рядах устраивало разрушение римо-католицизма, но не устраивало укрепление православия.

Владыка Горазд использовал каждую предоставившуюся возможность утвердить истинный церковный строй. Так, он говорил: "Если же Чехословацкая Церковь согласна не знать истинного христианства, было бы необходимо открыто о том сказать и было бы необходимо последовательно то провозгласить, что ей не нужны ни рукоположенные епископы, ни рукоположенные священники. Если же, однако, будут рукополагаться священники и епископы, то нельзя быть отрезанным от традиционного христианства". В журнале "За правду" в 1922 году епископ писал: "Было бы знаком по-настоящему гибкой совести заявить о приятии Никео-Царьградского символа веры и деяний семи Вселенских Соборов, затем принять имя для Чехословацкой Церкви – Православная, и при этом смеяться над всем православным: и над вероучительными догматами, и над обрядом."

В июле 1922 года владыка Горазд был послан в миссионерскую поездку в Америку, в чешские колонии. Во время его деятельности в Америке радикалы во главе с Карлом Фарским начали борьбу против догматов и устройства Православной Церкви. Они выпустили в свет "Чехословацкий катехизис" еретического содержания. Так, в "катехизисе" говорилось, что нет Единого Бога в Трёх Лицах и Бог – это "живой закон мира". Иисус Христос – "не является Сыном Божиим, Спасителем, но только пророком". Фарский и Калоус ставили в "катехизисе" Иисуса Христа в один ряд с Моисеем, Сократом, Магометом, Зороастрой, Буддой, Конфуцием. По их учению, Дух Святой – это только Божие воодушевление в человеке. Отвергнуто было православное учение о Богородице.

Владыка Горазд, раскрывая еретическое содержание "катехизиса", пишет: "...в целом тон книги не сходен ни с Евангелием, ни со взглядами первых христиан, ни с постановлениями Вселенских Соборов, ни с вероучением... Христос рассматривается в книге односторонне и не полностью, без внимания к Благодати Божьей... Без Благодати перестает существовать христианство, оно тогда остается только этикой... Достаточно ли... только этики и может ли только этика нас удовлетворить, освятить и спасти, — остается вопросом, на который я отвечаю отрицательно. "Чехословацкий катехизис" наносит вред нашему делу как внутри, так и вне церкви..."

Владыка Горазд почти два года вел борьбу с радикалистами, стараясь защитить от ереси верующих Чехословацкой Церкви Православной, но силы были явно неравны. Одновременно с внутренней борьбой возник разлад с независимо устроившейся "Чешской религиозной православной общиной", которая после неудачных переговоров с Сербской Церковью в 1923 году вошла в ведение Константинопольского патриархата. Юрисдикционный спор был подогрет государством, т.к. президент Т.Г. Масарик и другие ведущие политики ЧСР были против восстановления и утверждения Православия в Чехословакии.

Владыка Горазд, не имея возможности пастырски вести на территории Чехии православно ориентированных членов Чехословацкой церкви, рекомендовал им, дабы они присоединились к "Чешской религиозной православной общине". Так и стало с большей их частью, особенно в Праге.

5 марта 1923 года на заседании епархиального совета Моравско-Силезской епархии епископ Горазд отказался от места епархиального архиерея и от дальнейшей деятельности в Чехословацкой церкви. Епархиальный совет отставки не принял и представители православной ориентации просили епископа Горазда, чтобы он остался и дальше во главе епархии. Владыка Горазд их просьбу удовлетворил, чтобы православные не остались без пастыря.

Он ещё год вёл борьбу с радикалистами и прилагал усилия к укреплению в истинах православия наибольшего числа сторонников Чехословацкой церкви. 10 июня 1924 года журнал "За правду" в последний раз вышел как епархиальный орган Чехословацкой церкви в Моравии.

21 июля 1924 года епископ Горазд вышел из "Чехословацкой Церкви Православной" и увёл с собой православную её часть. Вместе с этим Чехословацкая Церковь перестала существовать как православная церковь и окончательно впала в протестантизм, лишившись Благодати Божией, ибо решением своего "собора" 31 августа 1924 года она восприняла за официальное учение ересь "Чехословацкого катехизиса".

Под омофором Сербского патриарха владыка Горазд приступил к организации Чешской Православной Церкви на положении епархии Сербской Православной Церкви. В сентябре 1924 года владыка отправил в Сербию первых студентов богословия.

Владыка Горазд интенсивно занялся строительством новой Церкви. Он поставил перед собой цель, чтобы в каждом приходе были собственный храм и церковный дом. В течение каждого года строилось по одному храму. Большим его помощником в этом деле был протоиерей Всеволод Коломацкий. Владыка не только руководил постройкой храмов для своих приходов, но и сам работал вместе с прихожанами. Большую помощь он оказывал тайно. Под руководством святителя Горазда с 1928 по 1942 год включительно было построено и освящено 14 храмов. При этом владыка встречался с препятствиями на своем пути. В отчете, посланном Сербскому Патриарху Варнаве, владыка пишет о яростной пропаганде против Православия со стороны тогдашнего президента Т.Г. Масарика, политических партий, Чехословацкой церкви, римо-католиков и т. д.

Владыка Горазд был епископом-миссионером: приезжая в какой-либо приход, жил там по несколько месяцев, посещал каждую православную семью. Наряду с религиозно-просветительской деятельностью владыка много занимался и литературным трудом. Он составил, в частности, "Сборник молитв и литургических песнопений Православной

Церкви". При составлении сборника владыка использовал русский распев первого, третьего, четвертого, шестого гласов, а также и семи гласов прокимнов. Святитель в целях быстрого усвоения пения по сборнику сам ездил по приходам и учил народ церковному пению.

В 1927 году был издан Служебник для священников под названием "Божественная литургия св. Иоанна Златоустого и св. Василия Великого», а также "Библейская история для учеников 1-4 классов общинных школ". Выдающимся трудом святителя стала "Жизнь свв. Кирилла и Мефодия и их связь с Римом и Цареградом" изданная под псевдонимом П. Малы.

Владыка должен был приложить много административных усилий и терпеливости для преодоления разделения с последователями Константинопольского Патриархата. 22 ноября 1925 года он был избран новым духовным руководителем "Чешской религиозной православной общины", и Чехословацкое государство также признало законной на территории республики Сербскую церковную юрисдикцию. В феврале 1926 года делопроизводство было изъято у последователей Константинополя и передано в руки епископа Горазда. Однако лишь в сентябре 1929 года было получено одобрение от Сербской Церкви и правительства ЧСР на существование управления православной Церкви на уровне епархии в правовом отношении.

Владыка Горазд без устали прилагал усилия к основанию монастыря, который наконец был основан, но монахи по разным причинам разошлись. Вопреки многим препятствиям за четыре года владыкой было достигнуто решение юридических вопросов, найдено согласие и укреплена организационная структура Православия в ЧСР уже на уровне двух епархий – Чешской (Моравско-Силезской) и Подкарпатской (Мукачевско-Пряшевской). 28 сентября 1935 года участвовал в освящении Пражского Кирилло-Мефодиевского кафедрального собора.

В 1938 году Чехословакия пала жертвой Мюнхенского сговора западных держав. Часть ее была оккупирована Германией. В своих проповедях, письмах и статьях епископ Горазд призывал всех верующих к исполнению своих христианских и патриотических обязанностей.

15 марта 1939 года Чехословакия окончательно потеряла свою независимость. Немцы создали из Словакии "самостоятельную" республику, а в Чехии и Моравии образовали так называемый протекторат. Для Чешской Православной Церкви и для всего народа началось время тяжких испытаний. Епископ Горазд и в дни оккупации не оставлял своей миссионерской, научно-литературной и патриотической деятельности. 15 марта 1939 года в статье "Братья и сёстры" он пророчески говорил, что несправедливость будет уничтожена, если народ не оставит Бога. Между прочим, писал: "Будьте уверены, что наша православная церковь есть наипрочнейшая основа как религиозного и морального бытования, так и народной жизни нашей."

Тогда же владыка начал писать "Жития святых". Уже во время оккупации по благословению святителя Горазда началось строительство храма Святой Троицы в селе Челеховице-на-Гане.

Отношение святого владыки к немецкой оккупации видно из его слов к министру протекторатного правительства Э. Моравцу: "Мы будем послушны каждому законному правительству".

Протекторатная власть организовала давление на владыку Горазда, чтобы он перешёл из юрисдикции Сербской в юрисдикцию Берлинского архиепископа Русской Православной Церкви за границу. 21 ноября 1941 года он был временно принят с 20 приходами в Русскую Зарубежную Церковь ввиду невозможности из-за войны сноситься со своим руководством в Сербии.

27 мая 1942 года в Праге был убит палач чешского народа обер-группенфюрер СС Р. Гейдрих. Совершившие нападение парашютисты укрылись в крипте православного Пражского кафедрального храма святых Кирилла и Мефодия, что на Рессловой улице. Так

как гестапо не делало особой разницы между бойцами Сопротивления и теми, кто, пусть даже случайно, оказывал им содействие, в июне 1942 года под ударом оказалась Чешская Православная Церковь. Отвёл этот удар владыка Горазд (Павлик).

8 июня 1942 года, через 12 дней после убийства Гейдриха, немцы, получив информацию от парашютиста Чурды, оказавшегося предателем, окружили храм святых Кирилла и Мефодия в Праге и взяли его штурмом. Арестованы были отец протоиерей Вацлав Чикл, отец Владимир Петржек, Ян Зонневенд, Вацлав Орнест и другие. Владыка Горазд в это время находился в Германии. С юридической точки зрения это было безусловное алиби. Но не собственная безопасность волновала владыку. Он срочно возвратился в Чехию, дабы не пострадала от кровавых гонений Церковь. В письме председателю протекторатного правительства Э. Моравцу святитель взял на себя ответственность за всё, что произошло в связи с укрытием десантников. Э. Моравец письмо отослал в гестапо.

В четверг 25 июня 1942 года, в 5 часов утра, гестапо арестовало владыку Горазда. В тюремном заключении он находился с 25 июня по 4 сентября 1942 года. В течение этого времени он был подвергнут тяжелым мучительным допросам, немцы рвали у владыки густую бороду, били его и подвергали разным другим мучениям. Его увозили в 22 часа, а возвращался он в пять часов утра. Днем владыке не давали отдыха. Когда заключенные получали пищу, тюремщик часто отталкивал епископа ногой и оставлял без еды. Жизнь святителя Горазда была полна страданий и завершилась мученичеством за Христа.

Свидетели заключения владыки, а часто и его мучений, приводили свидетельства, что владыка Горазд, отец Вацлав и отец Владимир были и посреди всех мучений очень спокойны. Глубокий покой был на их лицах и на суде, и при вынесении приговора, и на месте казни.

Военный трибунал приговорил епископа Горазда, а с ним протоиерея Вячеслава Чикла, иерея, доктора богословия Владимира Петржка и мирянина Яна Сонневенда к смертной казни. 4 сентября 1942 года они были расстреляны в Праге. Тела святого владыки Горазда, отца Владимира Петржека и Яна Зонневенда были сожжены, тело отца Вацлава Чикла отдано для вскрытия и научного изучения. Вскоре после этого деятельность Чешской Православной Церкви была полностью запрещена властями Третьего рейха.

Почитание святого Горазда началось сразу же после его мученической кончины. Ярким свидетельством этого стала первая икона священномученика, написанная в 1944 году протоиереем Всеволодом Коломацким.

В воскресенье 5 сентября 1987 года в кафедральном храме святого Горазда в городе Оломоуце при большом стечении народа, в присутствии всех членов Священного Синода Православной Церкви Чехословакии во главе с митрополитом Дорофеем и архиереев Константинопольской, Русской и Сербской Православных Церквей состоялось прославление в лике святых священномученика Горазда, епископа Чешского и Моравско-Силезского.

Облачение священномученика Горазда хранится в Пражском кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия. В 1992 году была совершена первая служба в православном храме, освященном в честь святителя в его родной Грубе Врбке.

Источник: drevo-info.ru

Тропарь святого Горазда, архиепископа Моравского, глас 2

Достойнейший преемник учителя своего Мефодия,/ Моравския Церкви первопрестольника,/ был еси, святителю отче наш Горазде,/ столп Православия предивен,/ мученик без крове,/ и изгнание от своего стада коварными мужи претерпев./ Далече от своего отечества, Моравския земли,/ утвердив проповедию догматы божественныя Истины,/ Духом соединился еси со святыми учителя своими Кириллом и Мефодием в Царстве Небеснем./ Моли о нас, блаженне,/ верою почитающих память твою,/ умирить мир и спасти души наша.